

**Цемент слезам не
верит**

Екатерина Миргород

Екатерина Миргород

Цемент слезам не верит

«Автор»

2026

Миргород Е.

Цемент слезам не верит / Е. Миргород — «Автор», 2026

В центре сюжета — жизнь сотрудников крупного банка, где переплетаются профессиональные интриги и личные драмы. После событий «Алого пламени» герои сталкиваются с новыми испытаниями: в Москву прибывает австрийский куратор для тотальной проверки, а владелец цементных заводов оказывается на грани банкротства из-за коварного заговора своего сотрудника. Леонид Москвин, обаятельный и успешный банкир, вновь оказывается в водовороте страстей: его роман с Виленой Коржик становится не только личным испытанием, но и инструментом в чужой игре. Маргарита Архангельская, пережив разочарования, вынуждена бороться за свою любовь и репутацию, а Валя Анютина наконец находит счастье с Марком Оболенским. На фоне финансовых махинаций, шантажа и разоблачений раскрываются тайны прошлого, а судьбы героев тесно переплетаются с судьбами их детей. «Цемент слезам не верит» — это история о любви, предательстве, силе характера и о том, что даже в мире больших денег и циничных интриг есть место для настоящих чувств.

© Миргород Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Екатерина Миргород

Цемент слезам не верит

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь:
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь:
То ведай, что твои и проза, и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.
И.А. Крылов

Глава 1

*Декабрь 2015 года

Одно время Вадик занимался составлением генеалогического древа своей семьи. Он был уверен, что где-то в недрах семейной истории томятся данные о его, Вадика, дворянском происхождении. Его устроило бы и купеческое, хотя дворянское, конечно, было бы круче. Вадика не смущало, что в зеркале отражалась физиономия отнюдь не аристократического свойства. Круглый нос, маленькие серые глазки, утопленные в розовых щеках, – так это мой прадед, дворянин, благородно влюбился в крестьянку Прасковью, подарил ей имение, признал ее сына и преклонялся перед ней всю жизнь, пока проклятые большевики не пустили его в расход. А щеки... Это я просто хорошо питаюсь!

Впрочем, единственным, что Вадик обнаружил в архивах, было упоминание о партизане Егоре Вагине, который вполне самоотверженно боролся с фашистами во время Второй мировой войны.

Вадик решил, что партизан – это прекрасно. Наконец-то призвание его стало понятным: именно дедовские гены позволили ему, Вадiku Вагину, внедриться во вражеский лагерь, и теперь он, подобно кардиналу Ришелье, должен был...

Мечты Вадика прервал телефонный звонок. Вадик засуетился, дрожащими руками собрал в кучку листы бумаги, валявшиеся на столе, судорожно пригладил волосы и нажал на зеленую кнопку на экране.

– Слушаю, Святослав Владимирович, – отчеканил он высоким, напряженным голосом.

– Вадик, почему мне сейчас Кириллов сообщил, что у него нет возможности получить кредит в Сбербанке? – спросил невидимый Святослав Владимирович.

– Потому что срок действия кредитной линии в Сбербанке закончился, – объяснил Вадик.

– А как так получилось, что одному из моих заводов нужны деньги, а ты, казначей группы компаний, не обеспечил наличие свободных кредитных линий?

– Святослав Владимирович! Ну вы меня прям обижаете, – и Вадик рухнул в кожаное кресло: ноги с трудом его держали. – Разумеется, у Кириллова есть свободные лимиты в банках. Просто в других банках, не в Сбербанке. Я ему сейчас позвоню и все расскажу! И вообще не понимаю, зачем он вас побеспокоил по такому ерундовому вопросу!

– Вадик, для меня нет ерундовых вопросов, когда речь идет о моих заводах, – железным тоном сообщил Святослав Владимирович.

– Д-да, да, конечно, я не это имел в виду...

– Вот и держи свои оценочные суждения при себе. В каких банках Кириллов может срочно взять кредит?

– Давайте посмотрим... – Вадик принялся листать ежедневник. Потом стал открывать и закрывать папки на компьютере в поисках необходимого файла. Потом полез в почту на случай, если отправлял этот несчастный файл Ангелине.

– Чем ты там щелкаешь? – раздраженно спросил шеф.

– Ключом, – автоматически ответил Вадик. Он вспотел от напряжения.

– Что?!

Вадик похолодел. Рубашка моментально прилипла к его спине.

– Владимир Святославович!.. Ой... Святослав Вадимович, простите, я... – Вадик захлопнул крышку ноутбука и судорожно вытер лоб. – Давайте я сейчас найду табличку со свободными лимитами, а потом сразу напишу Кириллову, ладно?

– Меня поставь в копию, – буркнул шеф, прежде чем повесить трубку.

– Ангелина!! – взревел Вадик в следующую секунду.

На пороге его кабинета появилась девушка выдающейся красоты. Выдавалось в ней все, начиная с роскошного бюста и завершая модными губами. Губы особенно притягивали к себе взгляд. Если преодолеть это притяжение и посмотреть выше, то можно было увидеть двух мохнатых бабочек, прочно осевших над глазами девушки, а там, где у обычного человека располагаются брови, у девушки жили две упитанные махровые гусеницы.

– Вадик, что случилось? – неожиданным басом спросила девушка.

– Где таблица с лимитами в банках?

– Ну, у меня, – сказал бас.

– Мы должны были подписать соглашение между банком Гаммой и компанией Кириллова, – максимально терпеливо произнес Вадик.

– Так не подписали же, – пожалла печами Ангелина.

– Почему?!

– Так ты сказал, что не срочно...

– Да как не срочно, если у него больше нет соглашения со Сбером?!

– Так он денег не просил... Чего ты на меня-то орешь? В чем проблема-то?

– В том, дорогая моя, что Кириллову срочно нужен кредит. Каменев мне сейчас звонил.

– А почему срочно?

– Да откуда я знаю! Они ж мне не докладывают! Они сразу шефу звонят!!

– Милый, так вопрос-то именно в этом, – проворковала Ангелина, подходя к Вадиду. Встав за его креслом, она принялась массировать ему плечи. – У тебя нет авторитета среди финансовых директоров. Каменев тебя унижает и сам все контролирует.

– Да знаю я... Надоело хуже горькой редьки.

– С этим надо что-то делать. И кстати, а когда нам выплатят бонус?

Лицо Вадика заметно позеленело.

– Выплатят, – процедил он.

– Ты разговаривал с Каменевым?

– Разговаривал. Он обещал перед новым годом заплатить.

– Ты помнишь, о чем я мечтаю? – Руки Ангелины спустились на его грудь, она принялась расстегивать рубашку Вадика. – Помнишь тот золотистый мерседес, который мы видели в автосалоне?

– Господи, Ангелина... – Вадик прерывисто вздохнул, потому что руки девушки уже гладили его обнаженную грудь.

– Тебе же хорошо со мной?..

Вадик уже собирался отключить лишние мысли и заняться приятным делом, но его телефон вновь зазвонил.

– Да, Святослав Владимирович. Да, я нашел лимиты. Мы буквально завтра подпишем договор между новым банком и заводом, и Кириллов сразу сможет получить первый транш. Спрашиваете, что не так со Сбером?.. Ну... Крупный банк, государственный... Диктует свои правила... Мы не приемлем... То есть, не смогли договориться... Ну да, лично я не смог договориться, но они же требовали... Как не будет бонуса?! Да это не я виноват, это просто банк такой...

Вадик рванулся вверх из кресла. Ангелина смотрела на него с выражением легкого презрения, переходящего в брезгливость. Каменев повесил трубку.

– Ты должен ему отомстить, – сказала, наконец, Ангелина. Вадик молчал. – Ты меня слышишь? Ты мужик или нет?

– Что ты предлагаешь сделать?! – проснулся Вадик.

– Что угодно! Хоть рейдерский захват.

– Ты хоть думай, что говоришь!

– А я и думаю, – парировала Ангелина. – Кто-то же из нас должен думать! Тебя сюда пристроила твоя жена. Ты считаешь себя крутым, а на самом деле трусишь отчаянно, стоит только Каменеву рот открыть!

Они помолчали. Вадик понимал, что Ангелина права. Он панически боялся хозяина компании.

– Надо обмозговать, – наконец, произнес Вадик.

– Утри ему нос, – предложила Ангелина. – Отними у него всё.

Вадик открыл бар, достал коньяк, разлил в хрустальные бокалы с логотипом «ЖБК». Железобетон Каменева. В народе компанию звали Жабка. Когда Каменев покупал очередной хиреющий завод и присоединял его к своей группе, сотрудники так и говорили: «Жабка очередного задушила».

Ангелина залпом выпила свою порцию. После этого с ней произошла удивительная трансформация: из-под гусенично-бабочкового флера вдруг показалась не сильно красивая, но весьма хитрая тетка бальзаковского возраста. Прикрыв ресницы объема «7Д», Ангелина протянула Вадиду свой бокал, а потом стала рассуждать вслух.

– Ты мне рассказывал, что вы с приятелями начинали работать вместе в каком-то заштатном банке, потом каждый из вас стал по-своему делать карьеру, так?

– Да, – кивнул Вадик, щедро плеснув ей вторую порцию коньяка. – В Воронеже мы работали. Потом Генчик подался в Питер, там попал в Сбер, но в нем не задержался, перешел на более спокойное место, в какой-то маленький банк. А Серый устроился в самарский филиал БСТ, поработал там и через пару лет переехал в Москву.

– БСТ... Банк современных технологий. – Ангелина задумчиво проглотила коньяк. – Еще кто-то был у вас в компании?

– Не, мы втроем тусили.

– Плохо. Нам нужна еще пара мелких банков.

– Ну... Я могу у парней спросить.

– Вот и займись. И спроси заодно, хотят ли они неплохо подзаработать. Давай разорим Каменева.

После разговора с шефом Вадик чувствовал себя оскорбленным, хотя прекрасно знал, что Каменев лишил его премии заслуженно. Это он, Вадик, своими руками испортил отношения со Сбербанком. Пытаясь переиграть финансового директора, того самого Кириллова, Вадик откровенно заврался, и Сбербанк это понял. И приостановил действие кредитного лимита для всей группы ЖБК. Конечно, это было временной мерой, чисто дипломатическим ходом. Лишиться такого клиента Сбербанк не хотел. Но проучить лично Вадика Вагина – очень даже хотел.

Тем не менее, Вадик считал, что Каменев отнесся к нему... скажем так, предвзято. Вот Кириллову бонус бы выплатили в любом случае, даже если бы он в пух и прах разругался со всеми крупными банками. Вадиду иногда казалось, что Кириллов может даже завод спалить дотла, и все равно Каменев будет его любить. Он не задумывался над истоками этой любви, просто бесился и пытался хотя бы по мелочам придраться к действиям Кириллова.

Да, Вадик хотел бы отомстить Каменеву. По-хитрому, разумеется, чтобы не попасться. Но что может он, сотрудник по работе с банками? У него нет даже права подписи кредитных соглашений, их подписывают финансовые директора каждой из компаний группы.

– Какой у тебя план? – спросил он Ангелину, которая опустила ресницы-бабочки и, казалось, задремала.

– Нам нужно три-четыре небольших банка, в которых с нами будут работать реально жадные клиентские менеджеры, – не открывая глаз, сказала Ангелина. – С крупными банками ничего не получится, там система контроля рисков, регламенты, процедуры, всё продумано. Мы подпишем с маленькими банками типовые кредитные договоры, в которых будут

абсолютно стандартные условия. Ничего, что бросалось бы в глаза. Только мы чуть поменяем местами пару пунктов и расставим акценты. Мне надо, чтобы какое-нибудь небольшое нарушение с нашей стороны могло привести к дефолту компании.

– К-какое нарушение? – Вадик слегка побледнел при слове «дефолт».

– Любое, Вадик! Не знаю – скажем, генеральный директор перешел проезжую часть на красный свет, его штрафнули, и это повод объявить нам дефолт.

– Очень смешно, – пробормотал Вадик.

– Я совершенно серьезно с тобой разговариваю.

– Таких условий не бывает!

– Мы что-нибудь придумаем, – небрежно взмахнула рукой Ангелина.

– А потом? – спросил Вадик. Ангелина загадочно улыбнулась и подергала бровями-гусеницами вверх-вниз.

– А потом ты разоришь Каменева, вот и все.

Вадик подошел к окну, за которым открывалось Садовое кольцо. Часть кольца прямо под окнами офиса ЖБК была в это время перекрыта. Одна только машина скорой помощи, отчаянно завывая сиреной, медленно пробиралась через мертвую пробку. Водители лениво теснились, позволяя «скорой» понемногу продвигаться, но Вадик решил, что гаишники откроют движение раньше, чем «скорая» выберется из затора на одной мигалке.

– А прикинь, они везут кого-нибудь рожать? – философски заметил он, глядя вниз.

– Лучше подумай о том, что здесь и сейчас на свет рождается новый Вадик, – сказала Ангелина, снова запуская руки ему под рубашку. – Смелый, сильный, умный и предприимчивый Вадим Александрович, с которым Каменеву придется считаться. Вадим- победитель!

– Мне нравится, – плотоядно усмехнулся Вадик.

«Скорая» направлялась не в роддом.

Юную пациентку везли в больницу с подозрением на аппендицит. Она лежала смирно, иногда тихонько поскуливая. Услышав этот жалобный звук, Рита каждый раз хваталась за телефон, чтобы позвонить Москвину, но потом усилием воли заставляла себя не нажимать заветную кнопку.

Однако, когда «скорая» прочно встряла в пробку на Садовом, Рита все же набрала номер Лёни.

– Привет, Архангельская, – сказал тот, моментально сняв трубку.

– Привет, Москвин, – сказала Рита. – Я еду в больницу.

– Эй, эй, погоди, – возмутился Москвин. – Как это в больницу? Сегодня же корпоратив в банке! Я думал, ты придешь.

– Явно не приду, – заверила его Рита. – У дочери аппендицит. Наверное. В любом случае, ей плохо.

– О, у меня был аппендицит. Его поздновато заметили, помнится. Малоприятная штука.

– Вот именно. А у меня не было, представляешь?

– Тебя забрать из больницы... потом? – приторно-сладким голосом осведомился Москвин.

– Нет, спасибо. Я сама, не волнуйся. Все, пока. Напишу!

– Может, все-таки приедешь на корпоратив? – успел спросить Москвин, прежде чем Рита выключила связь.

– Зачем я ему звонила? – вслух подумала Рита. Ее дочь едва заметно улыбнулась.

– Не можешь ты без него, мам.

– Да с чего ты взяла?! Наглый, циничный, эгоистичный тип, к тому же женатый. Зачем он мне нужен-то?

– Еще он умный, у него классное чувство юмора и красивые глаза, – сказала дочь.

- Ты его видела один раз в жизни, на экскурсии, – напомнила Рита.
- Видела один раз, – согласилась дочь. – А вот слышу о нем постоянно!

Глава 2

*Март 2016

К середине вечера диспозиция стала более-менее ясной. Основывалась она на древнем кармическом делении сотрудников коммерческого банка на сословия. Кто ближе к клиенту – тот ближе к солнцу, ибо клиент приносит деньги.

В одном углу просторной столовой, заняв свободные пластиковые стулья, обосновались залого. В этом углу было довольно шумно, и оттуда периодически прибегали курьеры, стремившиеся утащить с фуршетного стола очередную бутылку.

Напротив них, в тени фикусов и пальм, в комфорте и неге мягких диванов расположились клиентские менеджеры. Они никого не посылали за бутылками, официанты сами приносили им подносы с коктейлями.

В середине зала, под беспощадным светом софитов, в центре внимания внушительного круга заинтересованных лиц стоял Лёня Москвин, и жарко спорил с главным экономистом Объединенного коммерческого банка.

– Ты мне объясни, вот есть завод, да? Нормальный завод, делает, ну не знаю, телевизоры. Мы находимся в рыночной экономике, да? То есть вокруг капитализм. И ты говоришь, что в условиях капитализма руководство заводом будет более эффективным, чем при коммунизме. Так? – спрашивал Лёня, и рука его автоматически тянулась к карману с сигаретами, хотя курить в столовой было, разумеется, запрещено.

– Ну конечно! – отвечал главный экономист. – Менеджеры на твоём заводе должны добиться прибыли, потому что от прибыли зависят их зарплаты и бонусы. А в Советском Союзе руководитель завода просто получал зарплату, и ему было пофиг, каких результатов завод достиг! Поэтому была тотальная неэффективность!

– Вы на себя посмотрите, эффективные вы наши, – начал заводиться Москвин. – Ради ближайшего бонуса вы готовы что угодно сотворить, хапнуть деньги и свалить в другое место, а после вас хоть трава не расти. В погоне за сегодняшним баблом мать родную на органы сдадите!

Главный экономист за годы общения с Лёней успел привыкнуть к его жестким высказываниям, но некоторые из слушателей непроизвольно охнули.

– А советский директор завода служил интересам партии и народа, а не просто получал зарплату, – продолжал Москвин. – Но, допустим, мы говорим о... безыдейных товарищах.

– Так девяносто пять процентов таких! – воскликнул экономист, обретая уверенность. – Поэтому, раз нельзя получить прибыль, то можно сделать что? Правильно, разворовать завод к чертовой матери!

– Совершенно верно, но ведь не разворовывали, так ведь? Потому что за воровство могли и расстрелять!

– Господи, Леонид Владимирович!

– А я считаю, что это абсолютно разумная мера наказания для тех, кто ворует, – невозмутимо ответил Москвин. – Потому как заметить: пока воров отстреливали, заводы отлично работали, и никто ничего не крал. А как стрелять перестали – так разворовали всю страну. И это сделали именно вы, эффективные менеджеры! И я тебе больше скажу: не работает твоя идея про прибыль и бонусы. Даже сейчас, когда вокруг лютый капитализм, воруют не то что не меньше – воруют существенно больше. Масштабы воровства поражают воображение даже самых оголтелых поборников капитализма.

– Ну это уже другая проблема, – попытался сменить тему экономист. – Конечно, нужна законодательная база...

Москвин даже не дал ему договорить:

– Кстати, объясни мне заодно, почему спустя четверть века после воцарения в стране самого прогрессивного капиталистического строя лично у тебя нет ни одной вещи, на которой было бы написано «Сделано в России»? Кроме стен твоей квартиры в сталинке, разумеется. Но на них по-честному надо написать: «Сделано в СССР»!

Валя с удовольствием слушала Лёню, но чувствовала, что внимание ее рассеивается: уж очень любопытно вела себя новая сотрудница ОКБ, относительно недавно присоединившаяся к команде клиентских менеджеров. Валя наблюдала за ней с тех пор, как эта барышня напала на Лёню после экскурсии. Миловидная блондинка, на вид лет тридцати пяти, невысокого роста, в меру упитанная, она производила в целом довольно приятное впечатление. Валя и сама не могла бы сказать, что ее насторожило, но у нее остались крайне тяжелые ощущения от первого разговора с Виленой, как представилась блондинка.

Валя даже уточнила – не Милена ли, случайно?

– Нет-нет, – прощепетала блондинка, – меня назвали в честь великого вождя великой революции.

Вот тут-то Валя и встала в стойку. Она давно уже не питала никаких чувств к неприлично обаятельному Москвину, и даже обжигающе-страстный взгляд его зеленых, искрящихся лукавством глаз не оказывал на нее прежнего воздействия, но девушка с именем, данным ей в честь самого великого вождя, просто не могла пройти мимо Лёни.

«Он решит, что это знак судьбы», – с тоской подумала Валя.

Сейчас Виленка не просто слушала Лёню – она буквально пожирала его взглядом. Вытянув шею, она смотрела на него, и ее глаза светились от восхищения.

– Необходимо вернуться к плановой экономике, – неожиданно произнесла она. Москвин перевел взгляд вниз: Виленка едва доставала ему до плеча.

– Да, это единственно верный путь, – кивнул он.

– Советский Союз развалился из-за того, что ваша плановая экономика никак не соответствовала рыночным потребностям, спрос и предложение были вконец разбалансированы! – с негодованием воскликнул главный экономист.

– Правильно. На тот момент крайне сложно было выстроить план в таких масштабах, как наша страна, – сказал Москвин, задумчиво глядя на Виленку. – Но сейчас у нас есть нейросети. По-вашему, они созданы для того, чтобы рисовать тёлку с гипертрофированными вторичными половыми признаками, класса «Нейронка может»? Нет, надо использовать их гигантские мощности и просчитывать генеральный план. Сейчас это стало возможным.

Главный экономист еще что-то пытался сказать, но Москвин демонстративно достал сигареты и направился к выходу из столовой.

Как и предполагала Валя, Виленка последовала за ним. Валя тоже вышла из столовой, ожидая увидеть, как Виленка садится в лифт, чтобы догнать Москвина в подвале, но та не остановилась у лифтов, а пошла вглубь этажа. Валя нахмурилась: там располагались рабочие места сотрудников департамента рисков, к числу которых принадлежал Москвин, но никак не принадлежала сама Виленка.

Стараясь держаться на некотором расстоянии от объекта слежки, Валя прокралась вслед за Виленой в коридор, ведущий к кабинетам начальников управлений. Один из них был кабинетом Москвина. Валя никогда не навещала Лёню на его рабочем месте, а сейчас его однозначно там не было, поэтому действия Вилены выглядели странно. Она открыла дверь в Лёнин кабинет, вошла в него и скрылась из виду. Валя на цыпочках подошла поближе, вытянула голову и заглянула внутрь.

Сначала она даже не заметила Виленку: взгляд ее оказался прикован к стенам кабинета. Увиденное потрясло ее больше, чем самые модные декорации в самом крутом театре. За спиной у Москвина на стене висел портрет Ленина. С другой стороны располагался портрет Сталина. А оставшееся пространство было закрыто красными знамёнами. Валя едва слышно

ахнула: ей казалось, что Москвин просто... прикалывается, что ли, когда говорит о своей любви к советскому прошлому. Однако интерьер его офиса явно выходил за рамки простого прикола.

Вилена стояла у стола, спиной к Вале. Услышав, как Валя ахнула, блондинка резко повернулась к двери.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Валя, решив, что нападение – лучшая защита.

– А ты? – не растерялась Вилена.

– Я видела, как Лёня ушел из столовой, и решила посмотреть, нет ли его у себя, – сказала Валя.

– Я решила сделать то же самое, – пожала плечами Вилена.

– А... он тебе зачем понадобился?

– Мне очень жаль, но это совершенно точно не твое дело, – отрезала Вилена, прежде чем выйти из кабинета. Валя осталась у стола Лёни в некотором замешательстве, вызванном, впрочем, не столько странным поведением Вилены, сколько окружающим декором.

А поведение Вилены быстро объяснилось: Валя увидела на столе шоколадку. Обычную шоколадку «Аленка».

– Нашла шпионку, – смущенно пробормотала она, ругая себя за чрезмерное любопытство.

Хотелось вернуться в столовую: период, когда Валя не могла есть, давно прошел. Теперь она ела очень даже прилично, и конкретно сейчас ей хотелось отведать пиццы, которую «мальчики» заказали «девочкам» на восьмое марта.

В столовой между тем поднялся немалый гул. В центре зала сгрудились и клиентские менеджеры, и аналитики, и даже залого. Какое-то известие объединило всех сотрудников ОКБ. Валя подошла к коллегам, предварительно ухватив кусок пиццы.

Рядом с ней оказался Марк. Валя покраснела, но позиций не сдала. Марк молча кивнул ей в знак приветствия и пробрался в центр толпы. При его появлении гул моментально стих.

– Да, я сейчас был у руководства, все подтвердили, – сказал Марк. – Если раньше наш банк мог выдавать кредиты до ста миллионов долларов без согласования с Австрией, то теперь наш лимит урезан до тридцати миллионов.

– Но с какой стати?! – возмущенно спросил кто-то.

– Нашим куратором в Австрии стал новый человек. Он долго добивался этой должности. В прошлом году он приезжал в Россию, и тут столкнулся с некоторыми неожиданными... нюансами российской экономики.

– Российской промышленности, – мрачно уточнил Ося.

– Да. Он решил... посмотреть производство. К сожалению, вместо производства он увидел в некотором роде руины. А мы, к еще большему сожалению, не знали, что на этом производстве давно нет эээ... производства.

– Самое интересное, что кредит, выданный тому заводу, так и не стал проблемным, – подал голос вернувшийся Москвин. – Его благополучно погасили. Но Леонидас не простил нам такой косяк.

– Так это вы про «Алое пламя»? – сдавленно хихикнув, уточнил молодой человек из «клиентских». – Это же легенда ОКБ! Как банк целый год кредитовал завод, которого – хихи! – и не было вовсе.

– Очень смешно, – сурово произнес Марк. – Развлекайтесь. Но подумайте о том, сколько у вас клиентов, чья задолженность превышает тридцать миллионов долларов. Леонидас будет лично проверять каждый кейс. Сюда приедет отряд аудиторов из Австрии. Лёня, ты же сможешь их сопроводить?

– Куда?! – опешил Москвин.

– Ну, как ты умеешь – на прогулку по Москве, потом в хороший ресторан, можно вывести их в театр, в оперу, например!

– Я не люблю оперу, я усну, – сообщил Москвин.

– Тогда в Суздаль их свози. Чем меньше времени у них останется на проверку, тем лучше для нас. Задача ясна?

– Ну, как бы не начальник ты мне, собственно, – напомнил ему Лёня. – Но задача ясна. Суздаль так Суздаль. Медовухи побольше. Можно вообще тур по Золотому кольцу организовать, нет проблем.

– В общем, Леонидас прилетает через неделю. Предлагаю на этой торжественной ноте завершить празднование славного восьмого марта и отправиться на свои рабочие места, дабы прошерстить все кредитные файлы и определить, что мы можем показать сразу, а что нуждается... в доработке.

– Давайте спокойно допразднуем, а с завтрашнего дня начнем готовиться к приезду аудиторов, – недовольно предложил голос из толпы. Москвин стремительно развернулся в сторону говорившего:

– Проблема русского народа в том, что у нас никогда ни на одну задачу нет ровно столько времени, сколько нужно. У нас всегда сначала «еще вагон времени впереди, да ты не волнуйся!», а потом вдруг сразу «дедлайн, аврал, горим, караул!»...

– Вынужден с тобой согласиться, – сурово произнес Марк.

Сотрудники банка принялись неохотно расползаться из столовой. Многие уносили с собой открытые бутылки с вином и виски. Дамы упаковывали в контейнеры остатки еды. Москвин покрутил в руках пачку сигарет, а потом позвал Марка:

– Слушай, помня Леонидаса – в Суздаль он не поедет. Как думаешь, у нас есть какой-нибудь приличный заводик не сильно далеко от Москвы? Я бы показал нашему коллеге нормальное производство. Это должно немного компенсировать шок от Энска, как считаешь?

– Ты прав, – кивнул Марк. – Я попрошу Риту... А, нет, я не могу попросить Риту, она на больничном...

– Валя за нее, – не без ехидства напомнил Лёня. Марк нервно сглотнул.

– Хорошо, да, я попрошу Валю что-нибудь подыскать.

– Скажи мне кое-что, – окликнул Москвин Марка, когда тот уже почти скрылся в недрах офиса. Марк остановился, пожевав губами. Над его головой моргала лампочка, рискуя перейти в режим «то потухнет, то погаснет». В образовавшейся полутьме выражение лица Марка было невозможно прочесть.

– Что? – нейтральным тоном спросил Марк.

– Я могу с Валькой замутить, раз вы расстались?

Марк шагнул в сторону Москвина. Теперь любой желающий мог разглядеть в его глазах ярость и отвращение одновременно.

– С ума сошел?!..

Москвин попятился назад, ухмыляясь, но довольно быстро перестал улыбаться, потому что Марк источал откровенную агрессию и горячую ненависть.

– Да ладно, ладно. Я просто хотел проверить свою теорию...

– Проверил?!..

– Да, да, успокойся! Не нужна мне Вальюшка, не переживай, пожалуйста.

– Держись от нее подальше, – грозно произнес Марк, прежде чем окончательно уйти на свою половину офиса. Москвин смотрел ему вслед серьезно и почтительно, пока шаги Марка не затихли, а потом расхохотался так, что лампочка на потолке испуганно вздрогнула и на всякий случай перестала мигать.

Глава 3

Рита уже десять минут смотрела на экран компьютера, не решаясь продолжить работу. Конечно, следовало просто выделить строчку желтым маркером и оставить на потом, но в тексте, который невинными буковками заполнял монитор, таких желтых строк накопилось уже немало, и Рита начинала всерьез опасаться, что не завершит перевод в срок.

«She felt completely lost in his squid eyes».

Она чувствовала, что полностью растворилась в его... глазах кальмара? Кальмарьих глазах?! Как это перевести, и о чем думал автор, когда сочинял эту нетленку?

Рита снова перечитала загадочное предложение. Потом открыла поисковик, чтобы проверить, насколько хорошо ей знаком облик кальмара. Память ее не подводила: кальмара она представляла себе совершенно верно.

Очень некстати она вспомнила классическое «твои глаза как два карата». В принципе, подумалось ей, кальмарьи глаза – всего лишь поэтическая вольность.

Однако опыт подсказывал ей, что бывают еще и идиоматические выражения, и в этом случае кальмарьи глаза могут означать все, что угодно, вплоть до...

Рита протерла свои глаза – вполне обычные, – перечитала варианты перевода и решила, что самые безобидные из них – это косоглазие и взгляд очень пьяного человека.

Допустим, главный герой напился, со вздохом подумала она, и слегка окосел. Поэтому совершенно неудивительно, что главная героиня почувствовала себя *completely lost*, что можно перевести и как «совершенно растерялась». Если очень постараться и забыть о продолжении фразы.

Да что ж такое!

Рита раздраженно выбралась из кресла. Работа в издательстве приносила немного денег, но зарплату в банке не слишком активно повышали, а потребности юной дочери росли с каждым годом, да и квартира стоила все больше, и ничего другого Рита не смогла придумать. Идея осенила ее, когда она с глубоким раздражением продиралась через корявый перевод модного американского романа. «Слуга народа, вещающий словами из патентованной кожи», прочитала она. Смысл фразы от нее ускользал до тех пор, пока она не догадалась, что в оригинале вместо патентованной кожи была *patent leather*, то есть лакированная кожа. Видимо, у слуги народа в руках была кожаная папка, и он вещал по бумажке, а не от души, что и хотел подчеркнуть автор...

«Моя героиня с глубокой нежностью смотрит в глаза своего мужчины, поэтично сравнивая их с глазами кальмара», – написала незадачливая переводчица Москвину.

«Видел я кальмаров в море, – ответил Москвин. – Печальные у них глаза, и большие. Они все-таки еда. Вот и грустят».

Рита хихикнула, но продолжать диалог не стала. Она была сильно обижена на Лёню, хотя и понимала, что обижаться вроде бы не на что.

Да, он ее бросил. Но ведь у них не было никаких отношений. Если смотреть правде в глаза, то они просто хорошо провели время в командировке. Лёня ничего ей не обещал, ни о каких чувствах речи не шло, и на что она могла рассчитывать, если знала, что он женат? Да и пообщались-то они всего несколько дней. Интенсивно, правда, пообщались... Но с какой стати на Москвина должна была обрушиться неземная любовь к малознакомой женщине, у которой к тому же ребенок от другого мужчины? Он же, помнится, брякнул однажды – в своем фирменном стиле, – что страшнее и опаснее РСП, то есть «разведёнки с прицепом», может

быть только РСДРП(б), а именно – Разведёнка С Двумя Растущими Прицепами. Слава богу, хотя бы умолчал о том, что может означать буква «Б»¹...

Вот только неясно, почему они продолжают общаться. На прощание Лёня сказал ей, что в постели с ней было удивительно классно, и, может быть, именно эти слова и не позволили Рите окончательно прервать всякий контакт. Хотя она очень ругала сама себя, истово старалась о нем не думать, и вообще приняла решение всю себя посвятить дочери.

Дочь, впрочем, не совсем одобряла рвение матери.

Все началось, когда Рита из лучших побуждений пришла на концерт, в котором Вика принимала участие. Это был обычный школьный концерт, полнейшая самодеятельность, и Риту пустили в здание только потому, что она когда-то сама там училась, и ее фотография до сих пор красовалась на доске почета, ибо Рита по окончании школы умудрилась получить золотую медаль.

Вика пела что-то очень патриотическое, надрывно-скрепное, и Рита испытала острое чувство неловкости, поскольку сама никогда в жизни не выбрала бы для дочери такую песню. Более того, вся атмосфера концерта – актовый зал с малиновым бархатным занавесом, потертый паркет, софиты на сцене – возвращала Риту в ее собственное ученическое прошлое, когда она была солисткой вокально-инструментального ансамбля «Волна». Риту тогда угораздило влюбиться в автора песен, бесконечно депрессивного молодого человека, которому Рита пыталась привить более оптимистичный взгляд на жизнь. Тяжкая это была работа.

Однако голос Вики оказался чистым и звучным, в ноты она попадала без каких-либо затруднений, а главное, чувствовала себя на сцене совершенно свободно.

После концерта Рита поговорила с Викой и предложила ей пойти в музыкальную школу. Сентябрь только начинался, и Рита была уверена, что талантливого ребенка примут в первый класс без проблем. Вика настороженно согласилась, и они отправились на прослушивание.

Все в музыкальной школе очень развлеклись.

– Вступительные испытания проводятся в мае, – терпеливо объясняла секретарь школы. – Вы опоздали, приходите в следующем году, или хотя бы зимой, когда возможен донабор. У нас нет мест!

– Послушайте мою дочь, – твердила Рита. – Ее надо учить, она очень талантлива.

– Все так говорят, – вспыхнула, наконец, секретарь, которой надоело тратить время на несфатробоную мамашу. – Хорошо, если у вас есть запись, оставьте мне, я постараюсь передать преподавателю!

Рита так и не узнала, что вечером секретарь действительно включила видео, и действительно послушала Вику – затем лишь, чтобы продолжить развлекаться и потешаться над людьми, которые даже не знают, когда в музыкальных школах экзамены! А послушав, смеяться перестала. Более того, взяла флешку с записью и отправилась к заведующей отделением эстрадно-джазового вокала.

Через два дня Вику вызвали на прослушивание и зачислили в школу – пока платно, до освобождения бюджетного места. Рита торжествовала.

Ближе к новому году ее торжество сменилось тревогой. Во-первых, Вика продолжала петь песни о России и Москве, и любые попытки матери предложить более современный репертуар встречали спокойный отпор преподавательницы. А во-вторых, эта преподавательница развила бурную активность, включила Вику в ансамбль, и предложила всем родителям срочно купить костюмы для выступления, а потом пришить к этим костюмам стразы. Рита обнаружила себя в десять вечера сидящей на диване в окружении ста крохотных страз, которые надо было пришить. Каждую. К утру.

¹ РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

Тогда она позвонила Москвину. Он от души посмеялся над пердимоноклем, в котором оказалась ответственная мать, и спрогнозировал дальнейшее ухудшение ситуации. Они разговаривали до полуночи, взхлеб, Рита хохотала до слез над рассказами Лёни – и шила.

А вместо концерта она повезла Вику в больницу, потому что у дочери случился приступ аппендицита. Рита впервые в жизни ушла на больничный. Раньше она не позволяла себе такой роскоши, ведь с Викой была няня. Вот только няня попросила повышение зарплаты, а Вика попросила устранить няню, ибо она, Вика, уже чувствовала себя достаточно взрослой. И Рита согласилась.

С тех пор прошло два долгих зимних месяца, и вот теперь, в самую нежную мартовскую пору, Вика слегла с высокой температурой, а Рита вновь оказалась на больничном. Наедине с нежным взглядом кальмарьих глаз.

Телефон завибрировал, возвращая Риту к реальности. Она не сразу поверила, что звонит действительно Москвин.

– Слушай, Архангельская, тебе уже доложили? Кстати, с прошедшим тебя!

– Спасибо. О чем мне должны были доложить? – улыбнулась Рита.

– Ты не могла бы как-нибудь... пораньше вернуться на работу?

– Дорогой мой, но я ведь только со вчерашнего дня сижу дома, окстись!

– Уже целых два дня! – притворно удивился Лёня. – Это много, ты чего? Бери снова няню, и возвращайся на работу.

– Солнышко, вот сразу видно, что ты мужчина, – вздохнула Рита. – А что случилось-то? Я ни за что не поверю, что ты просто по мне соскучился.

– Вот такого ты обо мне мнения, да? – оскорбился Москвин. – Конечно, я по тебе соскучился! А вот по Леонидасу совсем не соскучился.

– О, нет! – расхохоталась Рита. – Неужели он снова нас навестит?

– О, да! Уже приехали.

– Он и кто еще?

– Аудиторы. Какие-то специальные кредитные аудиторы, что бы это ни значило. И мы теперь не можем сами выдать кредит в сто миллионов долларов. Все, что больше тридцати миллионов, надо согласовывать с Австрией.

– Значит, Леонидас победил Бернхарда, забрался в его кресло и решил отомстить нам за «Алое пламя»?

– Ты совершенно права, Архангельская. Ты понимаешь, что тут без тебя никак? Ну верниись, я все прощууу!

– Слушай, Москвин, это я тебя должна прощать, а не ты меня! – возмутилась Рита.

– Ой, это такие мелочи, в самом деле. Мы сейчас говорим о серьезных вещах!

– Лёнь, мне приятно, что ты так высоко оцениваешь мои профессиональные качества, но я, разумеется, никуда прямо сегодня не вернусь, – сказала Рита. Ей было обидно. «Мелочи»?!

– Значит, бросаешь меня?

– Это ты меня бросил, Москвин. Все, давай, мне пора идти ребенка кормить. Пока!

Она буквально кипела от негодования. Невозможный человек! Как ему удастся все перевернуть с ног на голову?! «Я все прощу!» Пусть даже в шутку! Совершенно не смешно!

Преисполнившись праведной ярости, она с такой силой рванула упаковку с макаронами, что те градом разлетелись по всей кухне.

– Сволочь ты, Москвин! – вслух сказала Рита, и еще больше разозлилась – теперь уже на саму себя, – потому что голос ее дрожал от обиды.

Вика еще спала, и Рита сделала то, чего не делала давно: открыла окно на кухне и закурила.

В прошлом году, после майской поездки в Энск, Москвин сначала довольно охотно продолжал встречаться с Ритой – по крайней мере, ей так казалось. После работы они ходили гулять в парк, ели мороженое, Москвин рассказывал о себе, и ничто не предвещало грозы.

В июле он приехал к ней на ужин, был чудесный вечер, Леня вел себя внимательно и ласково, а потом Рита предложила ему остаться на ночь – было уже очень поздно, и она не видела никакого смысла в том, чтобы полусонный Москвин садился за руль и возвращался домой.

Он тут же в формате обвинительного приговора сообщил ей, что она пытается его к себе привязать; что собирается сесть ему на шею вместе с чужим ребенком; что нашла подходящего мужчину и вцепилась в него, как это делают все женщины...

Рита даже не стала комментировать его высказывания. Ей было все понятно, вопросов к нему у нее не оставалось. Она считала, конечно, что сформулировать свое желание прекратить встречи он мог бы и по-другому, не перекладывая вину на саму Риту, но... Где ж найти таких дипломатичных мужчин?

Они не общались примерно неделю. Потом Рита нашла у себя книгу, которую Москвин давал ей почитать. Издание было довольно редкое, а Лёня к книгам относился с уважением. Рита принесла книгу в банк и положила ему на стол, пока он обедал. Москвин, обнаружив, что она заходила, написал ей первым.

И она не смогла не ответить. Почему – она и сама затруднялась объяснить. По официальной версии – потому что ей жаль было терять интересного собеседника.

Рита гордилась тем, что строит свою жизнь так, как хочет, а не в соответствии с общепринятыми стандартами. Она считала себя счастливым человеком, и основа этого счастья как раз и состояла в том, чтобы делать только то, что хочешь. Эта концепция требовала пояснений, поскольку звучала возмутительно: как это – делать, что хочешь? А долг? А обязательства? А ответственность, в конце концов?

Исполнение желаний шло в голове у Риты в комплекте с принятием ответственности за собственный выбор. Она рассуждала так: если мое решение окажется неудачным, то виновата в этом буду только я. Как-нибудь переживу и справлюсь с последствиями. Но по крайней мере, это будет именно мое решение, порожденное моими желаниями.

Я не буду поступать в медицинский институт, как того ждут от меня родители, потому что я не люблю медицину. Мне интересна экономика, поэтому я рискну и попробую сунуться туда, где меня, возможно, не ждут.

Я не стану выходить замуж только потому, что пришло время, или потому, что у меня появился молодой человек. Я не хочу за него замуж, и не пойду. Останусь одна? Возможно, но это мой выбор.

Я знаю, что Москвин меня бросил, но я не хочу рвать с ним отношения, потому что мне с ним интересно. Мне будет больно, но я сама так решила.

– То есть, – снова заговорила она вслух, – я оказалась достаточно благородна для того, чтобы тебя простить, хотя ты фактически послал меня, причем в грубой форме. Ты не можешь не понимать, что поступил по-свински! И при этом ты мне сейчас заявляешь, что это я виновата?!

Совершенно неожиданно для себя самой Рита вдруг разрыдалась. Со словами «я так больше не могу!» она упала на диван и рыдала довольно долго.

Потом в ней проснулась кипучая энергия. Придирчиво изучив свое отражение в зеркале, она достала косметичку и отточенными движениями навела на лице порядок. Волосы она убрала в тугий узел на затылке. В уши вдела длинные серьги. Проверила температуру у крепко спящей Вики и стремительно отправилась на улицу.

Глава 4

В банк дерганой походкой сильно пьющего человека вошел высокий, худой мужчина с глубокими залысинами на породистом немецком лбу. Он явился со свитой – сзади мрачно ступали три джентльмена в шляпах. К ним навстречу, угодливо улыбаясь, уже шел председатель правления ОКБ.

Появление в холле банка самого председателя подчеркивало статус делегации австрийцев. Председатель редко выходил встречать гостей, предпочитая управлять банком из недр своего кабинета, стены которого были обшиты деревом на манер корабельной каюты.

– Здравствуйте, герр Леонидас, здравствуйте, коллеги, – торжественно произнес председатель. – Хорошо ли долетели? Как вам отель? Понравился ли?

– Добрый день, Сергей Кость... стаканч... костян... тинович! – страшно довольный собой, выговорил Леонидас.

– «Сергей Кость» – звучит неплохо, – вполголоса заметил Москвин, стоявший вместе с Марком в двух шагах от председателя.

– Ты когда-нибудь наговоришь себе на увольнение, – еще тише прокомментировал Марк.

– Да это ж не я сказал, а наш куратор, – пожал плечами Москвин.

Председатель бросил на них суровый взгляд:

– Вы прислали мне справки по основным клиентам, как я просил?!..

– Зип файл! – так звонко рявкнул Москвин, как будто снимался в эпизоде «Семнадцати мгновений весны».

Леонидас ощутимо вздрогнул. Казалось, даже правая рука его непроизвольно попыталась взметнуться вверх. Председатель побагровел и полностью развернулся к Лёне.

– Какой еще к чертовой матери зип файл?! – прошипел он.

– Справки по клиентам заархивированы и направлены вам в зип файле, – отчитался Москвин. Он был удивительно похож на персонажа всенародно любимой комедии: «Экзамен для меня всегда праздник, профессор!»

– Ооо, русский Леонидас! – возопил австрийский Леонидас, взяв себя в руки, и устремился к Москвину на всех парах. – На Тверская улица уже нет танки, да?

– На Тверской нет. Хочешь – в Вене на Рингштрасе будут, – дружелюбно предложил Москвин, пожимая протянутую руку. Ладонь австрийца была холодной и потной. Москвин незаметно вытер свои пальцы.

– Я люблю твой юмор, – не стал обижаться Леонидас. – Но я тут должен все проверять. Мы поехать до клиент, разный клиент.

– Да, мы подготовили список клиентов, которые могли бы вас заинтересовать, – включился в разговор Марк. – Я представляюсь – директор по корпоративному бизнесу, Марк Оболенский.

– Рад знакомиться, – энергично кивнул Леонидас.

Москвин осторожно принохался. На этот раз от Леонидаса не пахло алкоголем. Но глаза его были красными, а веки под ними подозрительно набрякли.

– Герр Леонидас, пройдемте на обед, – предложил председатель правления, жестом указывая в сторону выхода из банка. – У нас тут рядом есть совершенно замечательный ресторан.

– Слушай, – тихо сказал Москвин Марку, – я с ними не пойду, мне поработать надо, а ты посмотри, будет ли австрийский Лёнька пить. По-моему, он какое-то время в завязке.

– А если его снова прорвёт? – пробормотал Марк.

– Ему будет плохо, а нам – хорошо, – честно ответил Москвин.

Проводив гостей, он спустился в подвал. Время действительно было обеденное, и внизу почти никто не курил. Только симпатичная блондинка, которую Москвин заметил еще на

праздновании восьмого марта, одиноко сидела на скамейке. В руках у нее почему-то было сразу два стакана с кофе.

– Ой, Леонид Владимирович, добрый день! – слегка смущаясь, приветствовала его блондинка. Москвин порылся в памяти, но не смог найти в своем внутреннем каталоге ее имени.

– Совершенно очевидно, что мы знакомы, но я вынужден признаться...

– Нет-нет, вы не обязаны помнить мое имя! – перебила его девушка. Москвин приподнял золотистую бровь. – Я просто ваша поклонница. Вас знают все в банке, вы потрясающе ведете экскурсии! Будете кофе?

– Спасибо, – улыбнулся Москвин. – Скоро потеплеет, ходим по новому маршруту.

– А вы, наверное, всю зиму готовитесь, да? Расскажите, пожалуйста, как вы это делаете? Да, меня зовут Вилена. – Она протянула ему руку, Москвин автоматически пожал ее пальцы.

– Вилена?..

– В честь великого Ленина, да, – с удовольствием подтвердила блондинка.

– Великого?.. – на всякий случай переспросил Лёня, решив, что ослышался.

– В фильме про него говорят – «обыкновенный», но как это звучит! – восторженно улыбнулась Вилена. – Возьмите кофе, пожалуйста!

– Ты серьезно? Ты смотрела этот фильм?²..

– Конечно! Как можно было пропустить такой шедевр! Особенно с моим именем...

Каким-то образом Москвин оказался у себя в кабинете, оделся и вышел вслед за Виленой в мартовскую морось. Весна неумолимо надвигалась на Москву, но холодом веяло еще изрядно, а главное – было мокро и промозгло. Улицы окутал полупрозрачный, насквозь влажный туман, приглушавший звуки и даже, казалось, замедлявший шаги. Москвин и сам не понял, зачем и куда он бредет по этим улицам, таким до боли знакомым, но в то же время практически неузнаваемым в искаженных отражениях невесомой водной взвеси. Звуки – и те казались странными, эхо отскакивало от сырых стен зданий и приземлялось совсем не туда, где инстинктивно готов был ловить его одурманенный мозг случайного прохожего.

Какой-то раздражающий звук бесцеремонно вклинился в их с Виленой плавную беседу. Москвин даже поморщился от того, насколько невовремя этот звук раздался. В тот момент ему меньше всего хотелось слышать звонок собственного телефона.

Пока Лёня доставал несчастный аппарат из кармана, магия тумана как будто начала рассеиваться, и он вдруг показался Москвину не влажным и загадочным, а сырым и противным наощупь. В эту секунду прямо перед ним из тумана вынырнула женщина – как будто специально решила броситься ему под ноги.

– Осторожнее надо, – пробормотал он, сходя с тротуара на проезжую часть во избежание столкновения.

– Лёнь, привет, – сказала женщина.

Москвин обернулся и с удивлением узнал Риту.

Что-то в ее образе насторожило Лёню. Наверное, прическу поменяла, подумал он.

– Привет, госпожа Архангельская, – нарочито жизнерадостно сказал он. – Ты решила вернуться на работу?

– Нет, я... – Рита посмотрела на Вилену, потом на Лёню. – Совершенно не собиралась вам мешать.

– Ни в коем случае, – прощепетала Вилена. – Мне пора возвращаться в офис. Леонид Владимирович, спасибо вам за чудесную прогулку и за интереснейшие рассказы!

Она бросила на него прощальный сияющий взгляд и грациозно растворилась в тумане по направлению к банку.

Москвин почесал затылок. Потом посмотрел на Риту.

² Герои обсуждают фильм М.И. Ромма «Ленин в Октябре»

– Что ты тут делаешь? – спросил Москвин.

– Я не смогла больше сидеть дома, – сказала Рита. – Хотела погулять и с тобой покурить.

Она плакала, вот что, понял Москвин. У нее зареванный вид. Именно это и показалось мне странным.

– Что случилось?

– Да как тебе сказать... ничего особенного. День сурка просто. – Рита чувствовала себя предельно глупо. Зачем она приехала?

– У меня тут тоже каждый день такой, – кивнул Москвин.

– У нас с тобой как будто разное отношение к работе, – пробормотала Рита.

– У меня к этой работе нет никакого отношения. Я ее просто работаю.

– Да, я помню, что вот комсомол для тебя имел смысл, а все остальное – ерунда, – резче, чем ей бы хотелось, сказала Рита.

– Ну, для тебя-то это пустой звук, как я вижу, – ехидно ответил Москвин. – К счастью, есть еще люди, которые действительно меня понимают.

– Вот и общайся с ними! – Рита знала, что вот-вот снова расплачется, и очень хотела поскорее скрыться от внимательного взгляда Лёни.

– Так я и общался, пока ты нам не помешала! – В тоне Москвина появилось явное раздражение. Почему-то его собственное раздражение раздражало его самого. «Вроде не пил», – раздраженно подумал он.

– Это ты про красотку, которая с тобой была? И кто она?

Леонид Владимирович лишь на пару секунд замешкался с ответом, но Рита все заметила: и как взгляд его невольно метнулся в сторону, и как скулы чуть порозовели, а губы дрогнули в едва заметной улыбке.

– Ваша коллега, из бизнеса, – спокойным голосом произнес он, быстро справившись с внезапным смущением. – Разве вы не знакомы?

– У нас большой банк, я не со всеми клиентскими менеджерами знакома лично, – как можно сдержаннее сказала Рита.

– Она в нефтянке, – уточнил Москвин.

– А, ну это не просто элита, а экстра-элитарные звезды, – понимающе кивнула Рита. – Голубые фишки среди банкиров. У меня нет клиентов из этой отрасли. У меня все больше машиностроение да металлургия. И что у вас с ней?

– В каком смысле? – На этот раз Москвин уже ощутимо покраснел.

– Роман, как я понимаю?

– Нет у меня никакого романа, – фыркнул Москвин. – Роман – это когда у всех тужур. А я точно знаю, что все неприятности начинаются с тужура.

– Но она тебе понравилась, – констатировала Рита.

– Слушай, мы разговаривали о неизбежности мировой революции. Не упоминали тужур. Если уж тебе так интересно.

– Не особенно, – пожала плечами Рита. – Ладно, я рада была тебя видеть. Ты совсем замерз, наверное. Иди уже в офис.

– Да, сыренько тут. А ты сейчас куда?

– Да погуляю еще.

– Ты сама замерзнешь!

– Москвин, иди, пожалуйста. Я буду резво ходить и не замерзну.

Повинуясь непонятному инстинкту, она привстала на цыпочки, быстро обняла его за шею и поцеловала в щеку.

Аромат его кожи, шарф, пахнувший его одеколоном, его теплое дыхание стали пряными приправами к влажному весеннему воздуху. Рита прерывисто вздохнула, пытаясь справиться с волнением. Несмотря на мартовскую прохладу, ей моментально стало жарко. Не желая демон-

стрировать Москвину всю силу его влияния, Рита поспешно развернулась и излишне быстрым шагом направилась к метро.

Глава 5

В офисе Банка современных технологий было невыносимо душно. Судя по названию, банк должен был бы легко справляться с технологическими вызовами, но до сих пор система кондиционирования побеждала в изнурительном соревновании с инженерами банка, отказываясь выполнять свои функции.

Вадик украдкой смахнул каплю пота, проползшую по виску, и залпом осушил стакан воды.

– А Генчик не спрыгнет в последний момент? – спросил его собеседник, холеный мужчина лет сорока, обладатель золотого зуба и шести золотых же перстней на толстых пальцах обеих рук.

– Да ни в жизнь, – заверил его Вадик.

– Ну допустим, мы вдвоем объявляем тебе дефолт. Кстати, что в договор впишем? Какое условие ты должен нарушить, чтобы мы с Генчиком к тебе пришли за бабками?

– Давайте напишем, что наши заводы не имеют права без согласия банка выдавать займы? – предложила Ангелина, поиграв бровями-гусеницами.

– Это заметное условие. Меня тот же Кириллов сразу спросит, почему это он не может выдать заем своему же торговому дому, – сказал Вадик, оглядываясь по сторонам в поисках новой бутылки с водой.

– Тогда можно написать, что ЖБК, допустим, не должен продавать цемент по цене ниже текущей, – не смутилась Ангелина. – А потом мы быстренько оптом продадим кому-нибудь много тонн по низкой цене, и...

– Вы не контролируете продажи, – перебил ее золотозубый. – Пока этот ваш оптовый заказ случится, мы можем год прождать. А двигаться надо шустро, пока Каменев ваш не сообразил, в чем дело.

– Короче, возвращаемся к моей исходной идее тогда. – Ангелина решительно распахнула окно, впуская в кабинет мартовский ветер. – Пишем, что любое административное нарушение руководящего состава группы дает банку право объявить дефолт.

– Допустим, они это подпишут, – мрачно произнес Вадик. – А как сделать так, чтобы тот же Кириллов совершил административное правонарушение?

– Элементарно! – Ангелина потеряла руки. – Например, вовремя не выплатил зарплату. У нас ведь как организовано? Кириллов берет кредиты под выплату зарплаты. Ну а мы с Вадиком сделаем так, что в нужный день кредит он не получит. Платить ему будет нечем. Конечно, на следующий день все нормализуется, но факт нарушения будет зафиксирован!

– Или он закурит в общественном месте, – подхватил ее мысль Вадик. – А мы обратим на это внимание полиции, они составят протокол...

– Или он вляпается в ДТП – короче, мысль понятна, валяйте, подписывайте договор. – Золотозубый подошел к окну, лениво закурил. – Только он же в суд пойдет, если чё.

– Пока он дойдет до суда, у него столько проблем возникнет, что проще будет договориться, – сказала Ангелина. – Если три банка одновременно потребуют погасить все кредиты, то Каменеву придется что-то делать. У него нет этих денег, разумеется.

– Наш банк, банк Генчика, а кто третий? – уточнил золотозубый.

– Мишаню помнишь? – спросил Вадик, допивая вторую бутылку воды. – Сидел у нас в бэк-офисе в Воронеже, пасьянсы раскладывал. Сейчас СРО банка «Зимний».

– Си эр чё? – не понял золотозубый.

– Чиф риск офицер, – с чудовищным акцентом произнесла Ангелина. – Главный по рискам, короче.

– Мишаня?! Как он умудрился?!

– Я понятия не имею, – отмахнулся Вадик. – Встретил его случайно в ЦУМе. Глазам не поверил!

– А что ты делал в ЦУМе? – быстро уточнила Ангелина. Глаза ее нехорошо сверкнули.

– Эээ я... Да там это... зашел посмотреть. Да ну какая разница, я уж и не помню, что мне там нужно было...

– Супруге подарок покупал, да? – не сдавалась хозяйка бабочек и гусениц.

– Давай потом поговорим, – улыбаясь во весь рот, процедил Вадик.

– Ладно, Мишаня и Генчик в деле, я тоже, – сказал золотозубый. – Жду подписанный договор. Бабки как пилить будем?

– Ну, половину мне, а вторую половину поделите на троих с Генчиком и Мишаней, – сказал Вадик. Ангелина согласно покивала головой. Золотозубый расхохотался.

– Э, нет, братан, ты меня за лоха не держи. На четверых всю сумму поделим.

– Но это моя идея! – возмутился Вадик.

– Вообще-то, моя, – злобно напомнила Ангелина.

– Идея, может, и твоя, а кредит – мой, – пожал плечами золотозубый. – И без меня ни шиша ты не сделаешь.

– Ну давай хотя бы треть мне, а две трети – вам!

– Я сказал, тебе четверть. Это мое последнее слово.

– Хорошо! Поделим на четверых. Жадный ты, Серега.

– Иди вон Мишаню обмишуривай, – хохотнул Серега. – А со мной не прокатит.

Рита в третий раз заглянула в кабинет Москвина. Ей очень хотелось поговорить с Лёней, но никак не удавалось поймать его между совещаниями, а время между тем близилось к обеду. В этот раз его и вовсе не оказалось в кабинете. Признав свое поражение, Рита позвонила Вале и договорилась отправиться в столовую.

Именно там она и увидела Москвина. Он сидел в углу за маленьким столиком на двоих, пил кофе и увлеченно беседовал с блондинкой, обладательницей странного имени Вилена. После их встречи возле банка Рита навела о ней справки. Вилена Георгиевна Коржик, тридцать четыре года, родом из Орехово-Зуево. Замужем, вообще говоря. Рита

Коржик! Это ж надо, повезло человеку.

Смешная фамилия совершенно не мешала Вилене отчаянно флиртовать с Москвиным. Рита прошла мимо них, стараясь сохранять каменное выражение лица. Лёня даже ее не заметил.

У прилавка с едой ее уже ждала Валя. И тоже косилась – как она считала, незаметно, – на Москвина и Вилену.

– Что думаешь? – шепотом спросила она Риту.

– Что она его взяла в оборот, а он повёлся, – вздохнула Рита.

– Я вчера видела, как она после работы садилась к нему в машину, – сказала Валя.

– Значит, у них все уже зашло далеко...

– Он стал часто навещать клиентчиков. Раньше я вообще его не видела в том крыле офиса. А теперь...

– Ну, это должно было когда-то случиться. – Рита взяла поднос с обедом и направилась в самый дальний угол столовой. Подальше от воркующих голубков.

– Что должно было случиться? Какая-то стерва должна была у тебя увести мужчину?! – Валя лавировала между стульями, стараясь догнать подругу, и случайно произнесла последнюю фразу чуть громче необходимого. Разговор за большим столом, мимо которого она проходила, тут же умолк, и все дружно посмотрели на Риту.

– Никто у меня никого не уводил, – любезно пояснила та, обращаясь к любопытным коллегам. – Я замужем уже побывала и больше не хочу, большое спасибо.

– Прости, – прошептала Валя, зная, что щеки ее залиты пунцовым румянцем. Рита, впрочем, сохраняла полное хладнокровие.

– Все нормально. Людям же заняться нечем, лишь бы сплетни распускать... Я имела в виду, что когда-то Лёнька должен был влюбиться. Мне очень жаль, что не я стала объектом его симпатии, но что я могу сделать?

– По-моему, он очень даже был в тебя влюблен, – возразила Валя. – Но потом что-то пошло не так. А эта стерва его соблазнила...

– Ну почему сразу стерва? – устало спросила Рита. – Обычная девица, имеет такое же право попытаться наладить с Лёней контакт, как и любая из нас.

– Нет, Москвин твой, – настаивала Валя. Рита покачала головой.

– Ни разу он не мой. Нам было очень хорошо вместе, это правда. Но сейчас ему явно хорошо с Виленой. И я не буду вмешиваться.

– Но она замужем!

– А он женат. И что дальше? Мы не знаем, какие у него отношения с женой. Может, он давно на грани развода, и Вилена – любовь всей его жизни, ради которой он уйдет от жены?

– А она уйдет от мужа?

– Почему нет? Мы же правда ничего не знаем об их семейных отношениях.

– А вот скажи мне, как так получилось, что ты столько с ним общалась, а про жену его ничего не знаешь?

Рита задумчиво посмотрела на подругу.

– Хороший вопрос... Мы никогда о ней не разговаривали. Хотя о своих бывших женщинах он много рассказывал.

– Зачем?! – удивилась Валя.

– Да пойдя пойми, зачем! Я в подробностях все знаю, хотя даже не спрашивала его...

– Может, хотел вызвать в тебе ревность?

– А смысл ревновать к прошлому?..

– Очень многие так делают!

– Что делают очень многие? – неожиданно спросили у Вали за спиной. – Можно я с вами пообедаю?

Рита переглянулась с Валею, но внезапно возникший коллега в модных очках уже садился за их стол.

– Алекс, тебе не говорили, что подслушивать невежливо? – со вздохом спросила Рита.

– Я не подслушивал, я просто услышал.

– И как давно ты просто слушал?

– Да буквально пол секунды! А почему Леонид Владимирович с этой дур... девушкой обедает?

– А тебе-то чем она не угодила? – спросила Валя. Алекс поправил на носу очки, огляделся вокруг, потом с таинственным видом навис над столом.

– Ее никто не любит! У нее папа какой-то крутой, она работает чисто из вежливости, чтобы папа гордился, что у него дочь в иностранном банке. А по сути ничего не делает, только изображает бурную активность. Но место занимает, поэтому ее коллегам приходится работать за нее.

– Интересно, – пробормотала Рита. – Вроде бы богатая бездельница – не совсем Лёнин типаж.

– Она даже не москвичка, – напомнил Алекс. Рита была вынуждена признать, что замечание ценное: московский снобизм Леонида Владимировича был широко известен, он никогда не скрывал свою низкую толерантность к приезжим.

– Чем же она его пленила? – задала риторический вопрос Валя.

– А она его прям пленила? – уточнил Алекс.

– Очень на то похоже, – кивнула Валя.

– На меня не смотрите, я у него спрашивать не буду, – открестилась Рита.

Между тем Москвин и Вилена встали из-за стола и направились почему-то не в сторону лифтов, а в противоположном направлении, вглубь столовой. Рите даже показалось, что Москвин идет прямо к их с Валею столу. Через несколько секунд она сообразила, что это действительно так: Лёня уже стоял прямо перед ней, а рядом широко улыбалась Вилена.

«Ботокс», – подумала Рита, глядя на абсолютно гладкий лоб Вилены.

«Ботокс», – подумала Валя, глядя на пухлые губы Вилены.

– Здравствуйте, коллеги, – произнес Москвин своим медовым голосом. – У нас появилась идея, которую мы хотели бы с вами обсудить.

– С нами?.. – растерянно спросила Рита.

– Ну да, ты же начальник кредитного управления, или я что-то путаю?

– Нет, ты ничего не путаешь, я начальник...

– Вот! Вилена Георгиевна сейчас расскажет, что мы предлагаем.

– Леонид Владимирович, я теперь смущаюсь, – проворковала Вилена. – Ничего особенного я не предлагаю, просто Лё... Леонид Владимирович сказал, что австрийских коллег надо свозить на производство, а у меня есть хороший клиент, группа компаний, делают цемент и железобетонные всякие штуки. У них завод в Подмоскovie, новый, туда можно смело везти иностранцев.

– А вы разве не в нефтянке?.. – спросила Рита.

– Формально да, но этот клиент мне достался от кого-то по наследству... Неважно, главное, что завод хороший, и совсем недалеко, да, Леонид Владимирович? – она заискивающе заглянула ему в глаза, и Рите вдруг стало ее жаль. Похоже, девочка реально влюбилась, подумала она. Смотрит на Москвина так же, как смотрела на него сама Рита в прошлом году...

– По-моему, это прекрасная идея. Марго, собственно, я хотел у тебя уточнить – с точки зрения кредитования, там все нормально у этого клиента?

– Цемент, цемент... – Рита нахмурилась, вспоминая. – Подожди. Ты про «Железобетон Каменева», что ли?

– Да, ЖБК, совершенно верно! – подтвердила Вилена.

– Нормальный клиент, – покопавшись в памяти, сказала Рита. – Я, кстати, сама у них на производстве никогда не была. Но, если Вилена говорит, что там все в порядке...

– То есть, ты тоже поедешь? – уточнил Москвин, пристально глядя на Риту.

– Я... не знаю, вы меня застали врасплох!

– Ладно. Вилена Георгиевна, вы тогда договоритесь с клиентом, хорошо? Как договоритесь, мы скажем нашим австрийцам, что в этот раз не надо лететь в Энск шесть часов, достаточно минут сорок покатайся на машине.

– Надо с Марком согласовать! – спохватилась Рита.

– Хорошая мысль. Ты тогда согласуй пока, ладно? А мы пойдем курить, да, Вилена Георгиевна?

– С удовольствием, Леонид Владимирович! – сияя улыбкой, ответила Вилена.

Глава 6

За рулем черного седана, плавно выехавшего из гаража Объединенного коммерческого банка, находился невозмутимый Москвин. Рядом с ним развалился на сидении герр Леонидас, а сзади устроились Вилена и Рита. Как только офис ОКБ остался вне зоны видимости, Леонидас достал из рюкзака огромный термос. Он напоминал высокотехнологичный космический прибор, на его крышке мерцали лампочки, а стенки таинственно отсвечивали серебром.

– Какая вещь, – вежливо восхитился Москвин.

– Ja, – кивнул Леонидас. – Мне дарить жена на путешествие.

– Жена?.. – вырвалось у Москвина.

– Очень любить, – сказал Леонидас. – Булгариен. Как по-русски говорить?

– Из Болгарии, – предположила Рита.

– Ja, Булгария. Встречать там в офисе, пока работать с булгариен. Проверять их кредитный портфель. – Леонидас приложился к горлышку термоса и несколько раз громко булькнул.

Через полчаса он внезапно попросил остановить машину. Москвин огляделся по сторонам и счел эту просьбу невыполнимой.

– Лёнь, мы на трассе, здесь сплошное ограждение. Ну потерпи немного, скоро начнется лес.

– Мне надо, – упрямылся австриец.

– Ты понимаешь, что здесь все едут со скоростью под сто километров и выше? Мы сейчас тормознем у парапета, и моментально создадим аварийную обстановку, – сделал еще одну попытку Москвин. Леонидас нервно приложился к термосу, икнул и попытался открыть дверь машины.

– ...! – сказал Москвин, блокируя двери.

– Леонид Владимирович, мне навигатор показывает более короткий путь, – вежливо произнесла Вилена. Рита покосилась на экран смартфона в руке у коллеги: она не слишком доверяла электронным путеводителям.

– Отлично! Говорите, – велел Москвин.

– Вот сейчас будет поворот налево, – сообщила Вилена. Черный седан послушно повернул на светофоре, покидая оживленную трассу. Леонидас все больше ёрзал. – Нам нужен первый перекресток.

Машина подъехала к перекрестку. Вилена сверилась с картой.

– Нам вроде бы прямо... Но этот перекресток Т-образный, как тут прямо проедешь?..

Москвин свернул направо, дабы с грехом пополам выдержать общее направление. На пути седана образовался железнодорожный переезд. Когда машина медленно преодолела рельсы, Вилена оглянулась назад.

– Ой. Перекресток только показался Т-образным... Из-за сирени и забора...

– Какого забора?.. – Москвин собирался было развернуться, но в этот момент по рельсам с удручающе низкой скоростью пополз товарный поезд, конец которого терялся где-то в дымке горизонта. – Так. Едем прямо. Мы в любом случае упремся в шоссе, какой бы дорогой ни поехали.

Через некоторое время поля справа и слева от дороги сменились деревенскими домиками, и довольно скоро впереди показались высокие, качественные заборы с высокими, качественными домами внутри. Перед поселком стоял знак, запрещающий проезд, но Москвин уже злился, а Леонидас постанывал, поэтому седан продолжил движение. По счастью, прямо у дороги возник здоровенный тополь. Москвин остановился и Леонидасу, укрывшемуся за древним исполином, удалось справить свою европейскую нужду на землю, которую его предкам так и не удалось покорить.

Удивительно европейская атмосфера царила в этом поселке. Швейцарская чистота, немецкая аккуратность, австрийская архитектура... На улицах никого не было.

Банкиры добрались до конца идеально гладкой дороги и уткнулись в шлагбаум. Справа и слева от него стояли охранники с автоматами. Москвин остановился.

– Нельзя было сюда заезжать, да? – спросил он у охранника, открывая окно. – Мы просто заблудились, ошиблись с поворотом.

– Нельзя, – холодно подтвердил тот. Его напарник направил дуло автомата на окно с той стороны, где сидел Леонидас. Австриец побледнел так, будто самый мощный вампир полдня пил его кровь.

– А почему? – вежливо поинтересовался Москвин.

– Это закрытый поселок сотрудников ФСБ, – любезно проинформировал его охранник. – Ваши документы!

– Да-да, конечно, – согласился Москвин и достал документы. Леонидас расширившись от ужаса глазами смотрел на то, как Москвин вкладывает в документы купюру, прежде чем протянуть их охраннику. Он хотел было что-то спросить, но Москвин посмотрел на него максимально грозно и предупредил:

– Don't speak English!³

– Why?..⁴ – слабым голосом спросил Леонидас.

– This is KGB villa⁵, – пояснил Москвин.

Охранник поднял шлагбаум, машина благополучно выехала из поселка, и только тогда Леонидас, все время пытавшийся слиться со спинкой кресла, рискнул задать уточняющий вопрос:

– Вы ему дать деньги...

– Оплатил проезд, – кивнул Москвин.

– I see... A KGB officer offered you some service and you paid for it... We have just escaped alive from two KGB officers... This country is weird!..⁶

Леонидас изрядно протрезвел к тому моменту, когда сотрудники банка добрались до проходной завода. Ужас от самой возможности теоретического столкновения с советскими силовыми структурами пробрал его до мозга костей. «Дикая страна!», – услышала Рита, оставившись рядом с гостем из солнечной Австрии.

Ворота плавно открылись, пропуская банкиров. Из новенького фордовского фургона, украшенного логотипами «ЖБК», вылез мужчина, ростом не уступавший Москвину. Взгляд его голубых глаз был цепким и умным.

– Здравствуйте, меня зовут Святослав Каменев, я генеральный директор управляющей компании «Железобетон Каменева». Добро пожаловать на цементный завод «Ромашка».

Брови Москвина взлетели вверх. Каменев улыбнулся.

– Знаете, так скучно, когда у тебя есть «Завод ЖБИ номер один», «Завод ЖБИ номер два»... Я их все назвал цветочными именами. Сейчас мы на «Ромашке», это один из самых современных наших заводов. Есть еще «Василек», «Одуванчик», «Гвоздика», «Колокольчик» и «Незабудка».

– Потрясающе, – пробормотал Москвин.

– Я сам проведу экскурсию, – продолжал Каменев, ничуть не смущаясь. – Сейчас пройдем с вами в машину, там вы возьмете каски, жилетки, заполните документы по технике безопасности и мы...

³ Не говорите по-английски! (англ.)

⁴ Почему?.. (англ.)

⁵ Это вила КГБ (англ.)

⁶ Я понял... Офицер КГБ предложил вам некоторые услуги, и вы за них заплатили... Мы только что ушли живыми от двух офицеров КГБ... Какая странная страна! (англ.)

– Святослав, простите, – перебил его Москвин. – Мы это все обязательно сделаем, но сначала нам очень надо посетить удобства. Женские и мужские. Можно это организовать?

Леонидас промычал что-то невнятно-подтверждающее. Каменев посмотрел на Москвина, потом на Риту, и вдруг улыбнулся по-настоящему. Как будто запрограммированный робот вдруг осознал, что перед ним живые люди, и в его электронном мозге, пропитанном искусственным интеллектом, внезапно пробудилась эмпатия.

– Разумеется, – сказал он, круто повернувшись на каблуках. – Следуйте за мной, пожалуйста!

– Я пока позвоню, – сообщила Вилена, доставая сигареты. – Вы идите, я на улице подожду.

– Только здесь нельзя курить, – предупредил ее Каменев. – Лучше выйдите за ворота.

Вилена пожала плечами и направилась к воротам. Каменев повел остальных гостей к зданию заводоуправления.

– Это наш административно-бытовой комплекс, – говорил он по пути. – Здесь работают наши финансисты, экономисты, юристы и прочий непроизводственный персонал. Это самый большой АБК из всех наших заводов, поэтому именно здесь располагается штаб-квартира управляющей компании. После экскурсии нас с вами ждут начальник казначейского отдела, Вадим Вагин, и финансовый директор «Ромашки», Олег Кириллов.

– У вас здесь очень красиво, – сказала Рита, оглядываясь вокруг.

– Мы следим за чистотой, – кивнул Каменев. – Хотя тоже без казусов не обходится. Однажды иду по территории и вижу, что справа от силоса трава покослена, слева тоже, а перед самым силосом – как трехдневная щетина торчит. Попросил я охранника посмотреть, чем там дворники занимаются? Получаю потом отчет: «Охранниками ЧОП выявлен косарь административно-аналитического отдела, который в рабочее время спал, сидя на земле».

Рита рассмеялась. Москвин молча смотрел на Каменева.

– Меня больше всего удивило, что косарь у нас числится в «административно-аналитическом» отделе. Когда я это прочитал, то внес некоторые изменения в оргструктуру завода... Мы пришли. Сейчас вам выдадут временные пропуска, и я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.